

Интерес к блокаде Ленинграда среди историков не только не снижается, но, напротив, растёт. Одна за другой в России и за рубежом появляются книги, публикуются новые архивные материалы, выходят документальные фильмы. В центре внимания большинства из них – сами ленинградцы, их участие в общей борьбе с нацизмом, их жизнь в нечеловеческих условиях, использовавшиеся ими стратегии выживания, память о блокаде. Книга С.В. Ярова, безусловно, значительное явление в современной историографии. Автор создал глубокое и одновременно яркое эмоциональное исследование одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем блокады.

Ещё в годы войны представители ленинградской интеллигенции обращались к проблемам морали и этики в самый сложный для города период первой блокадной зимы. Дошедшие до нас дневники А. Болдырева, О. Берггольц, О. Фрейденберг, А. Остроумовой-Лебедевой и многих других полны свидетельств о сдвигах в массовом сознании и представлениях о допустимом и недопустимом. К военному времени также относится появление первых работ о воздействии блокады на психику населения Ленинграда. Тут уместно сказать об одной из главных проблем, поставленных в книге Ярова. Очевидно, категории морали и этики вряд ли применимы к тем, кто страдал психическими отклонениями в связи с голодом. Сколько было таких среди персонажей книги? Наблюдения авторов дневников за поведением родственников, соседей, просто знакомых, на которые ссылается автор «Блокадной этики», не дают возможности судить о том, являлись ли те или иные их поступки результатом начавшегося психического расстройства или же были следствием изменения нормы. В этой связи можно напомнить о подготовленной ещё в январе 1943 г. Б.Е. Максимовым рукописи «Некоторые наблюдения над течением депрессивных состояний в условиях осаждённого города». В ней автор полемизировал с теми специалистами, кто видел в поведении ленинградцев и защитников города «синдром эмоционального паралича», а затем «апатичного расслабления» и даже «отупения». Максимов предпринял попытку выявить основные группы негативных факторов, которые оказывали воздействие на психику и настроения ленинградцев. К их числу он отнёс окружение города противником и прекращение нормальных связей со страной; близость немецких войск, что усиливало ощущение непосредственной военной опасности; скорость, с которой город оказался в условиях блокады; бомбёжки и артобстрелы; быстрый выход из строя городской инфраструктуры; наличие в городе разнообразных провокационных слухов, способствовавших созданию панических настроений; и, наконец, исключительные по тяжести переживания, связанные с голодом, массовой смертностью населения, незабываемые в их трагической насыщенности картины небурных на улицах, в больницах и моргах трупов. Этой группе факторов, по мнению автора, противостояли ощущение большинством горожан справедливого характера войны и их интернационализм¹⁰.

«Смертное время», а именно таким стало бытие для большинства горожан в первую блокадную зиму, не могло не оказать влияния и на сознание ленинградцев. Гнёт обстоятельств вынуждал людей приспособляться к новым

---

¹⁰ Дзенискевич А.Р. На грани жизни и смерти. Работа медиков-исследователей в осаждённом Ленинграде. СПб., 2002. С. 90–92.

условиям (это касалось и похорон¹¹, и поведения в очередях, и попыток самообеспечения, и отношений с близкими), но ленинградцы в большинстве своём понимали временный характер поведенческого сдвига. Конечно, документы свидетельствуют о многочисленных фактах реального перерождения людей, которые, оставаясь вполне вменяемыми, превращались в преступников. В материалах уголовных дел органов экономического отдела Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской обл. содержится немало примеров того, как проходившие по ним фигуранты начинали свою преступную деятельность по экономическим делам (подделка карточек, обвешивание, воровство нормированных продуктов и т.п.), желая сперва лишь обеспечить продовольствием себя и свою семью, а потом входили во вкус.

Опубликованные в 1990-х гг. документы органов ленинградского Управления НКВД, включая материалы военной цензуры, спецсообщения о настроениях в блокированном Ленинграде вследствие голода, а также о связанной с ним преступности, создают представление о масштабе сдвига в массовом сознании, захватившего многие тысячи обычных людей, ранее никогда не совершавших никаких антиобщественных и тем более преступных действий. Документы УНКВД показывают также весь спектр девиаций, появившихся на почве голода – от распространённой в городе бартерной торговли, спекуляции и мелкого воровства до канибализма, трупоедства и разбойных нападений на продовольственные магазины. С.В. Яров, опираясь преимущественно на материалы личного происхождения, очевидно, сознательно избегает каких-либо количественных оценок «распада» социальных норм, обращая внимание лишь на качественную сторону того процесса.

В книге Ярова этика представлена через категорию цивилизованности, характерную для предвоенного времени одного из крупнейших городов мира. Осознано ли это сделано или нет, автор не уточняет. Читателю остаётся самому делать выводы о том, какие изменения претерпели в Ленинграде в первый год блокады этические нормы прошлого (христианская этика и этика дореволюционной России) и усиленно насаждавшаяся советской пропагандой этика нового мира. В чём и в ком искали спасение в условиях кризиса: в вере в семью, в друзей, в соседей, в коллектив, если сохранялась возможность работать, в государство (патерналистские настроения всегда были сильны как в дореволюционном, так и в советском обществе), в судьбу, в Бога? Какова была этика различных социальных групп (классов, страт) и что было в них общего и особенного? Какие нормы поддерживала власть и что порицала?

Насколько репрезентативной является выборка дневников, которые служат источниковой базой «Блокадной этики», если, к примеру, ни один из них не представляет верующих, число которых в начале войны, по данным «Союза воинствующих безбожников», превышало 70 тыс., а в период тя-

---

¹¹ Ещё в начале массового голода руководство города безуспешно стремилось снизить публичный эффект, связанный с самостоятельным захоронением умерших их родственниками и близкими. 11 декабря 1941 г. начальник Управления милиции Ленинграда издал приказание № 16сс «О порядке направления трупов в больницы и морги и об охране имущества, ценностей и одежды лиц, погибших в очагах поражения», в котором, в частности, ставилась задача «не допускать вывозки трупов на санках без гробов и проинструктировать постовых милиционеров, чтобы такие “процессии” немедленно задерживали, укрывали трупы в ближайших домохозяйствах, куда вызывать из треста “Похоронное дело” автомашину, на которой и увозить эти трупы на кладбище» (Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл., ф. 8, оп. 25, п.н. 16, д. 250, л. 22–23).

желейших страданий многократно возросло? Можно ли экстраполировать представления о морали авторов дневников на всё население города? Что позволяет нам говорить о том, что речь идёт не о временной деформации норм, связанной с адаптацией к экстремальным условиям, а о некоем завершившемся процессе трансформации людей и общества, которое качественно изменилось, стало жить на основе иных морально-нравственных принципов? Наконец, какие из этих норм закрепились и сохранились в последующие годы?

Разнообразные источники свидетельствуют, что одна линия поведения в период блокады состояла в том, чтобы принять вызов судьбы и достойно смиренно уйти. В некоторых семьях ленинградцев передаются от поколения к поколению истории о том, как кто-то из старших, понимая неотвратимость гибели, жертвовал собой, не принимал пищу, отдавая её своим близким. Это был поистине христианский выбор. В одном из обзоров писем, составленных военной цензурой, к числу типичных было отнесено следующее наблюдение: «Несчастные ленинградцы, они переносят голод молча и умирают. Приходится удивляться, что такой ужас многие переносят без ропота». Смирение, жертвенность – это одна из присутствовавших в поведении многих горожан черт, которая может дать ориентир для ответов на очень многие вопросы, в том числе о причинах отсутствия протеста в условиях блокады, и о взаимопомощи не только внутри семьи, но и между друзьями как одной из важнейших стратегий выживания.

Известно, что почти все представители интеллектуальной элиты не допускали и мысли об использовании в пищу суррогатов. Некоторые заявляли о том, что в случае нарастания продовольственных трудностей сами уйдут из жизни, но многие обращались в органы власти с личными и коллективными просьбами помочь им продовольствием, отмечая свою исключительность. Недавно рассекреченные материалы Продовольственной комиссии Военного совета Ленинградского фронта проливают свет на стратегии выживания тех, кто имел шанс быть услышанным и кто мог найти нужные для этого слова. В связи с этим ещё одной проблемой, достойной внимания, являются представления об этике самой власти, тем более что в книге автор затрагивает вопрос о привилегиях в заблокированном Ленинграде. Он отмечает, что «уровень смертности коммунистов во время блокады был в два раза ниже общего уровня смертности в городе, а из... аппарата... никто не умер» (с. 407). Это, однако, лишь часть правды. Крайне низкой была смертность и среди работников продовольственных баз, хлебозаводов и мясокомбината, хлебных магазинов. Сплочённость представителей отдельных национальных групп также помогала им пройти через ужасы блокады с наименьшими потерями. Основной же причиной сравнительно низкой по сравнению с другими категориями смертности среди членов партии было то, что многие из них работали и получали рабочие карточки. Само по себе членство в партии никаких привилегий в снабжении не давало, если не считать небольшой группы старых большевиков, которые, ссылаясь на свои прошлые заслуги, смогли получить несколько разовых продуктовых посылок по особому решению Продовольственной комиссии.

Рассматривая проблему привилегий в продовольственном снабжении, Яров задаёт риторический вопрос о том, «испытывали ли при этом “ответственные работники” чувство раскаяния и стыда» (с. 407). Одним из немногих сохра-

нившихся источников, которые позволяют дать ответ на этот вопрос, являются материалы бюро Ленинградского горкома ВКП(б), а именно выступление секретаря горкома А.А. Кузнецова на заседаниях бюро в 1941–1943 гг., а также подготовительные материалы к ним. Наличие в заблокированном Ленинграде специального снабжения для сотрудников Смольного и руководителей среднего партийного и советского звена не считалось зазорным и было нормой. Однако на одном из заседаний бюро Кузнецов в очередной раз призывал партийный актив «войти в положение граждан города», специально подчёркивая, что условия жизни функционеров совершенно иные: «Ведь мы и лучше кушаем, спим в тепле, и бельё нам выстирают и выгладят, и при свете мы»¹². В Смольном решительно отмежёвывались от тех, кто пытался использовать своё исключительное положение для личного обогащения. Так, 25 февраля 1942 г. опросом членов бюро было принято решение об исключении из партии инструктора отдела пропаганды и агитации горкома Б.С. Вайгант и двух ответственных партийных работников в связи с фактами спекуляции и мародёрства. В специальном постановлении отмечалось, что «в трудных условиях снабжения продовольствием отдельные члены и кандидаты в члены партии не только не вели решительной борьбы со спекулянтами и мародёрами, но и сами использовали эти трудности в целях личной наживы»¹³. В военные месяцы 1941 г. из партии были исключены 1540 человек¹⁴.

Как и почему одним давали продукты, помогали, а другим отказывали? Какие обращения о помощи «срабатывали» и почему? Кому помогали на постоянной основе, а кому разово? В самом деле, решения о выделении продовольствия (мяса и крупы) для сохранения подопытных животных (собак, кроликов, мышей) по просьбе дирекции Института физиологии им. Павлова, сохранение к лету 1942 г. 115 животных в Ленинградском зоопарке, включая бегемота, уссурийского тигра, а также оленей, диких козлов, обезьян¹⁵ на фоне массовой смертности и каннибализма могут и сейчас показаться необычными, как, впрочем, и решения помочь безнадежно больным онкологическими заболеваниями, когда от голода умирали нуждающиеся в продовольствии дети и подростки.

Заслуживают особого внимания и механизмы функционирования распределительной системы. В Ленинграде осенью 1941 г. поднимался вопрос о легализации чёрного рынка, а с февраля 1942 г. по решению руководства прорабатывался вопрос об открытии Торгсинов. Кроме того, весной 1942 г. было принято решение об использовании местных ресурсов (в частности, земли) для выращивания овощей и картофеля, в том числе опираясь на частную инициативу. Таким образом, речь шла о компромиссе по вопросу об исключительной роли государства в снабжении, о введении некоторых элементов отвергнутого ранее нэпа, о допустимости частной торговли. Именно этот вопрос вызывал серьёзные споры как внутри властной элиты, так и среди населения города. Практически все авторы дневников так или иначе упоминали проблему спе-

¹²Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД), ф. 25, оп. 2, д. 4589, л. 10 об.

¹³Там же, д. 4448, л. 34.

¹⁴Там же, д. 4436, л. 43.

¹⁵По данным руководства зоопарка, ежедневная минимальная потребность животных в хлебе составляла 35 кг, в мясе – 53,8, в отрубях – 32,9, в овощах – 119, в овсе – 57,3 кг. В среднем эти нормы выполнялись на треть, что привело к гибели многих животных и болезням остальных, но факт остаётся фактом – блокаду пережили 115 животных.

куляции и чёрного рынка, но если для одних это было вполне приемлемым феноменом, то значительная часть интеллигенции и молодые рабочие с трудом привыкали к новым реалиям и осуждали спекулянтов¹⁶.

Стоит напомнить, что материалы «Ленинградского дела», по которому после войны были репрессированы около 200 руководителей обороны Ленинграда, показывают, что ни один из них не был обвинён в стяжательстве, хотя в целом в период блокады происходило колоссальное перераспределение ресурсов: в обороте были драгоценности, мебель, старинные книги, произведения искусства, а некоторые управхозы умудрились ввести в нелегальный оборот даже жильё.

Завершая размышления о книге С.В. Ярова, хотел бы остановиться на такой существенной привилегии власти, как формирование памяти о блокаде. После первой блокадной зимы партийное руководство города пыталось «скорректировать» коллективную память ленинградцев, ориентируя весь творческий потенциал города на создание исключительно эпических произведений и жёстко пресекая изображение трагических сторон блокады. В обсуждении подготовленной к показу документальной картины «Оборона Ленинграда» в студии кинохроники принимали участие практически все руководители Ленинграда, за исключением, пожалуй, лишь военных. Стенограмма дискуссии, состоявшейся 17 апреля 1942 г., отразила общее недовольство проделанной работой. Первым выступил П.С. Попков, которого народная молва «сняла» с должности и «расстреляла» за плохую работу и «вредительство» ещё в феврале 1942 г. Он высказался за изъятие из фильма ряда фрагментов. «Насчет покойников, – начал Попков. – Куда их везут? Причём их очень много показано. Впечатление удручающее. Часть эпизодов о гробах надо будет изъять. Я считаю, что много не нужно показывать – зачем вереница?... Показана вмёрзшая в дорогу машина. Это можно отнести к нашим непорядкам. Затем показано, что лёд образовался до самой крыши. Очевидно, где-то недалеко ударило или взрыв был, облили водой, и замёрзло. Нет надобности это показывать. Промышленность, энтузиазм трудящихся города Ленина совсем не показаны. Это одно из главных упущений картины... Это хорошо, как показан момент, как берут воду на улицах, но отдельные моменты, мне думается, надо изъять. Или, скажем, идёт человек и качается. Неизвестно, почему он качается, может быть, он пьян. Это сгущает краски, создаёт тяжёлое впечатление)¹⁷».

Ещё более категорично высказался А.А. Кузнецов, заявивший, что поскольку «картина не отражает действительного положения вещей», в таком виде её выпускать на экран нельзя: «Получается чересчур много трудностей. Разваленный город, разбомбленный, захламлённый, кругом пожары, всё покрыто льдом, люди едва движутся, а борьбы не показано. Оборона не показана. Разве это оборона? Скажут, вот правители, довели город до такого состояния. Направление взято неправильно. Показываются мрачные стороны, а действительная жизнь – борьба с трудностями, борьба за то, чтобы сохранить город, народ – не показана... Пролог неудачен. Музыка нехорошая, заунывная... Возьмите [фрагмент, когда] продовольствие везут в Ленинград, а почему вы

---

¹⁶ *Hass J., Lomagin N. Soviet Political Economy of War: Markets and the Command Economy in the Blockade of Leningrad. The paper presented at the 44th ASEES Annual Convention in New Orleans. November 15–18, 2012.*

¹⁷ РГАСПИ, ф. 77, оп. 1, д. 771, л. 1–2.

не заметили, когда Ленинград отправлял фронту пушки, минометы и пр[оч]¹⁸. Не такую задачу мы ставили. У вас самолёты обратно везут только раненых. В то же время на самолётах ехали бодрые рабочие в глубь страны, мы отсюда посылали средства связи, пушки, следовательно, город ещё и помогает стране, отоваривает своеобразно своей собственной продукцией»¹⁹.

Своеобразный итог этой дискуссии подвёл А.А. Жданов: «Картина большая, поэтому с одного маха трудно впечатление составить, а работа порядочная... Насчёт музыки. Согласен, что она душераздирающая. Зачем это? Совсем не нужно оплакивать. Живём, воюем, будем жить, зачем же реветь в голос? Не помню, в прологе или во второй части показана старуха, в садике сидит, – это вещь неудачная, словом, старуху надо исключить. Показан митинг, посвященный началу войны, а публика никак не реагирует. Нехорошо это, как будто не про неё писано, а оратор разрывается. Неправильно... Во второй части показано Народное ополчение, стреляют, идут части, затем опять стреляют, затем показаны призывные пункты, показано, как погнали стада коров, пошли армейские части, потом свиньи пошли по Кировскому проспекту. Получается всё едино – кого-то куда-то гонят... Это напоминает картины Чаплина; сначала стада, а потом безработных показывают, помните? Не подходит, народ будет иронизировать». Расставляя акценты, Жданов подчеркнул, что «первой должна быть показана оборона. Надо показать, что есть враг, а он совершенно не показан. Враг показан только в виде пленных, причём тщедушного и жалкого вида. Спрашивается, в чём дело? Если враг такой, то откуда трудности, блокада, разруха, голод, холод и т.д.? Неправильно показан враг... В картине переборщён упадок. Вплоть до торчащих машин! Выходит, всё рухнуло... Люди говорили, что голодаем, но живём надеждой на победу... Абсолютно не показана ленинградская женщина. Её нужно показать. Она сыграла огромную роль и сейчас играет. Не показаны команды ПВО в обороне города, которые также играют исключительную роль. Показали бы молодёжь, дежурившую на крышах, борьбу с “зажигалками”... Картина не удовлетворяет. Она представляет из себя большую кашу. Всё дело надо привести в систему»²⁰.

Джеффри Хасс: Нормы и выживание в военное время

Ленинградская блокада является одним из наиболее трагических примеров лишений, опасностей и страданий, которые обрушивает на человека военное время. Важность её изучения заключается, во-первых, в том, что блокада может пролить дополнительный свет на советскую политику, экономику и общество в целом. В какой степени советская цивилизация была укоренена в повседневных практиках, интересах и понятиях? В какой степени советские институты могли реагировать на испытания, подобные блокаде? Во-вторых, изучение блокадных реалий помогает ответить и на более общие вопросы, которые бес-

---

¹⁸ 20 ноября 1941 г. ГКО принял постановление № 927сс «О производстве миномётов в Ленинграде», в котором поддерживалась инициатива Военного Совета Ленфронта о производстве в Ленинграде в декабре 1941 г. 400 штук 120-миллиметровых минометов, 1300 штук 82-миллиметровых и 2 тыс. штук 50-миллиметровых минометов. ГКО в п. 3 своего решения записал: «Предложить т. Кузнецову 50 процентов миномётов из декабрьского производства отправить из Ленинграда в адрес ГАУ НКО» (РГАСПИ, ф. 640, оп. 1, д. 14, л. 134).

¹⁹ РГАСПИ, ф. 77, оп. 1, д. 771, л. 5–6.

²⁰ Там же, л. 7–10.